

УДК 81'373.235

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОНИМИКИ

Татьяна Александровна Сироткина

к. филол. н., доцент кафедры филологического образования и журналистики

Сургутский государственный педагогический университет

628417, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2. sirotkina71@mail.ru

Рассматриваются проблемы современной этнонимии, к которым автор относит: определение языкового статуса этнонима, границ этнонимии и отдельных этнонимов; описание развития этнонимии и функционирования этнических имен в разных сферах речевой коммуникации; рассмотрение взаимодействия этнонимии с другими лексическими системами; исследование категоризации этнической семантики; построение модели системной организации этнонимической лексики; изучение этностереотипов. Делается вывод о том, что решение их требует привлечения для анализа местного языкового материала, тщательного описания истории развития и современного состояния региональных этнонимиконов, а также создания словарей.

Ключевые слова: этноним; этнонимика; этнонимикон; категория; категоризация; этнический стереотип; лексикография.

Этнонимы (названия народов) являются объектом изучения особой науки – **этнонимии**, которая начала активно развиваться в России с 70-х гг. XX в.

В 1970 г. вышел сборник «Этнонимы», предисловие к которому написал В.А.Никонов [Никонов 1970]. На многие вопросы, поставленные автором, до сих пор нет однозначного ответа: «Относить ли этнонимы к ономастической лексике?»; «Какие типы имен включать в разряд этнонимии?». Сам В.А.Никонов, во-первых, относит этнонимы к именам собственным, во-вторых, придерживается широкого понимания термина «этноним», включая в этнонимии названия наций, родов, племен, территориальные наименования жителей. Вместе с тем он справедливо замечает, что «особенность таких названий желательно отразить внутри этнонимии терминологически» [там же: 8].

А.И.Попов в книге «Названия народов СССР. Введение в этнонимиику» определил объем термина «этнонимика» следующим образом: «Термином «этнонимика» будем обозначать тот отдел исторической ономастики, который содержит сведения о названиях племен, фратрий, родов, племенных союзов, различных этнографических групп, народностей, наций, а также связанных с этими данными некоторые наименования облас-

тей, земель и стран, – вообще местные имена «этнического» характера» [Попов 1973: 6].

В 1978 г. в «Словаре русской ономастической терминологии» появляется термин *этноним*, служащий для обозначения «любого этноса» (этнической группы, племени, народа, национальности и т.д.) [Подольская 1978: 167]. В 1979 г. в энциклопедии «Русский язык» Г.В.Подольская уточняет объем данного понятия, определяя, что термин *этноним* «служит для обозначения любого этноса: рода, племени, союза племен, народности, народа, нации» [Русский язык 1979: 408].

Назовем основные проблемы современной этнонимии, которые, по нашим наблюдениям, еще нуждаются в решении.

1. Проблема языкового статуса этнонима. Этнонимия как разряд лексики имеет двойственный характер. С одной стороны, этнонимы являются нарицательными обозначениями, с другой – традиционно рассматриваются внутри ономастической системы в качестве периферийных ее единиц. Двойственный характер имеют этнонимы и с точки зрения теории референции. Они, с одной стороны, являются «идентифицирующими» именами (к которым обычно относят имена собственные), с другой – «характеризующими» (которые традиционно являются апеллятивы). Логичнее всего, на наш взгляд, определение этно-

нимов как промежуточного звена между именами собственными и именами нарицательными.

2. Проблема границ этнонимии и отдельных этнонимов. Понятие «этнос» достаточно широкое. Кроме названий племен и народов, в него могут включать названия этноконфессиональных групп, родов, субэтнических групп. Так, в словаре «Какого мы роду-племени?» Р.А.Агеевой [Агеева 2000] наряду с собственно этнонимами (названиями племен и народов) даются и такие именованья, как *казаки* (субэтническая группа русских) и т.д. Таким образом, существует узкое и широкое значение термина “этноним”. При широком понимании в этнонимию входят даже коллективные прозвища, которые в этом случае называют микроэтнонимами.

На наш взгляд, основой определения границ этнонимии должны являться границы понятия «этнос», определенные этнографами. «Этнографическая наука выработала свой аппарат понятий и определений, с помощью которого раскрывается феномен этничности» [Черных 2003: 7]. Основным и определяющим является понятие **этнос** – исторически сложившаяся общность людей, характеризующаяся на стадии этногенеза общностью территории и языка, а также приобретающая в ходе своего развития этническое самосознание и общие черты в материальной и духовной культуре. Важным, безусловно, является и понятие **этнической общности**. Существуют этнические общности разных уровней и порядков. К одному уровню, например, относятся *русские казаки* или *поморы* в составе русского этноса, к другому – *русские*, к третьему – *восточные славяне*, к четвертому – *славяне вообще*. Для обозначения внутренних подразделений этноса, части этнической общности, этнографы пользуются определением **этнографическая группа** или **этническая группа**. Этнографические группы складываются на основной этнической территории и не изолированы от этнического ядра. Этнические группы – те части этноса, которые расселились и функционировали вне основной этнической территории, в большем или меньшем отдалении от нее, в иной лингвокультурной среде [Кузеев 1992: 17].

Таким образом, мы придерживаемся такого определения границ этнонимии, при котором в поле исследования попадают **этнические общности разных уровней**. Однако ученый, описывающий эти разные типы общностей, должен обязательно помнить, об этносе какого уровня идет речь.

3. Проблема развития этнонимикона. Она касается не только этнонимикона определенного языка, но и региональных этнонимиконов.

Например, со временем могут расширяться границы этнонимического поля. На примере этнонимикона Пермского края можно проследить, что в него, помимо имен народов, исторически освоивших данную территорию, в данный момент входят такие этнонимы, как *цыгане*, *армяне*, *таджики* и мн. др.

Развивается этнонимикон и структурно: меняется формантное оформление языковых единиц, чаще всего под влиянием законов речевой экономики и аналогии, сокращается количество единиц в синонимических рядах. Так, по сравнению с обширным синонимическим рядом *башкирец* – *башкирятин* – *башкирянин* – *башкирятенин*, отмеченным в текстах пермских деловых документов XVI – начала XVIII в., в научных описаниях XIX в. функционирует обычно форма *башкирец*.

Как известно, в начале XX в. многие экзоэтнонимы (*вогулы*, *остяки*, *вотяки*) были официально заменены автоэтнонимами (*манси*, *ханты*, *удмурты*). В этом случае интересны моменты знания/незнания референции старых/новых этнических имен представителями различных возрастных групп. Современные студенты не могут ответить на вопрос, как сейчас называют *остяков* или *вогулов*. И наоборот, представители старшего поколения носителей пермских говоров отвечают на этот вопрос (записи диалектной речи сделаны в 70-е гг. XX в.): «Не знаю, не видел ханты, манси. Вогулы вот были».

4. Проблема функционирования этнонимов в разных сферах речевой коммуникации. Этнонимы – это и научные термины, и единицы разговорно-бытового общения, и средства художественного описания. В различных сферах речевой коммуникации они выполняют определенные роли, отличаются особенностями функционирования.

Только описав функционирование этнических имен в разных типах дискурса, мы сможем представить более полную картину этнонимикона в целом.

5. Проблема взаимодействия этнонимии с другими лексическими системами. Поскольку этнонимия имеет двойственный характер, логично рассматривать взаимодействие ее 1) с системами имен собственных (прежде всего топонимов и антропонимов), 2) с системой нарицательной лексики определенной территории.

Взаимодействие этнонимической и топонимической систем проявляется в наличии этнопонимов, например ойконимов, имеющих в основе этноним. Но связь ойконима с этнонимом может быть как прямой, так и опосредованной (через антропоним).

Этнотопонимы исследовали многие ученые: Р.А.Агеева, В.А.Никонов, А.И.Попов, Э.М.Мурзаев, Н.А.Баскаков, Е.М.Поспелов, Л.Л.Трубе, В.А.Жучкевич и др. Данной проблеме посвящен ряд кандидатских диссертаций (см., например, работу С.С.Губаевой «Этнонимы в топонимии Ферганской долины» (М., 1973). Этнотопонимам целиком посвящен сборник Московского филиала Географического общества СССР «Этническая топонимика» (М., 1987) со вступительной статьей Е.М.Поспелова.

Проблемы этнической топонимики обсуждаются в рамках конференции «Ономастика Поволжья». Например, В.С.Картавенко, рассматривая функционирование этнонима «татары» в топонимии Смоленского края, отмечает, что на исследуемой территории «многочисленны названия с корнем татар- и различными аффиксами. Так, название *Татаринка* до сих пор фиксируется в трех районах Смоленской области, *Татарка* встречается дважды, *Татарщина* тоже два раза, *Татарово*, *Татарск*, *Татаровщина*, *Татарки* – один» [Картавенко 2002: 101].

Один из ведущих ученых-ономастологов А.К.Матвеев в своей книге «Субстратная топонимия Русского Севера» поднимает важную проблему установления происхождения этнотопонимов. «Уже давно установлено, – пишет он, – что очень многие этнотопонимы фактически являются этноантропотопонимами, т.е. географическими названиями, образованными от антропонимов, в основе которых лежат этнонимы, т.е. от этноантропотопонимов» [Матвеев 2001: 66].

Л.М.Майданова на материале географических карт, списков населенных пунктов, записей топонимических и диалектологических экспедиций смогла «выяснить ареалы топонимов и сделать некоторые выводы о расселении финно-угорских народов Урала к XV – XVI вв., то есть к началу колонизации Урала» [Майданова 1962: 22].

В монографии Е.Л.Березович «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте» рассматривается группа топонимов с семантикой «чужак вообще, чужд», соотносимых в сознании информантов с наименованиями финно-угорских народов. В нее входят топонимы, имеющие в основе этнонимы *зыря* (ручей Зыря), *лопарь* (дер. Лопариха), *мордвин* (ручей Мордвинка), *черемис* (ручей Черемисский), *чуд* (д. Чудиново) и некоторые другие [Березович 2000: 459].

Г.Н.Чагин, исследовавший топонимию Чердынского уезда по письменным памятникам XVI – XVII вв., выделяет группу топонимов, связанных с родовыми и племенными именами, и отмечает, что «топонимические пласты, восходящие к наименованию племен и народов, живших на тер-

ритории Чердынского уезда, восходят к очень древним временам» [Чагин 2003: 22].

Такие же сложные связи отмечаются во взаимодействии этнонимии и антропонимии.

А.С.Кривошекова-Гантман пишет: «Корни фамилий могут сигнализировать о национальности своего первоносителя: Вотьяков, Вотинов (вотьяк, ныне удмурт), Перминов, Пермитин, Пермьяков (пермяк – русское название коми), Русаков, Русинов, Русских (русский, а также диалектные русин, русак, русан) и др. В основе названных фамилий – прозвища по этническому происхождению. Так, в г. Чердыни при Яхонтове жили Нежданко Семенов сын Зырян, Офонька Васильев сын Корела, Родька Иванов сын Черемисинов, Иванко Югрин» [Кривошекова-Гантман 1972: 251]. Отметим здесь, что слова *пермитин* и *пермичи* в пермских деловых памятниках не являются этнонимами, используются в значении «жители Перми Великой любой национальности» [Полякова 1976: 10].

Вместе с тем человек мог получить прозвище, давшее впоследствии фамилию, не по этнониму, а по нарицательному слову живой диалектной речи, например, *зырянном* в Прикамье могли назвать человека, который таращит глаза (от глагола *зырять* «смотреть»).

Отражению этнических имен в апеллятивной лексике посвящены лишь отдельные статьи. Так, О.М.Белоусова отмечает, что «отэтнонимические наименования составляют значительный пласт в апеллятивной лексике, как литературной, так и диалектной»; ее статья строится «на материале примерно 900 таких наименований, русских и иноязычных, извлеченных из различных словарей русского языка» [Белоусова 1979].

Н.В.Землякова, рассматривая устойчивые образные номинации человека, также обращается к этнонимическим примерам. Как показывает ее материал, номинативных единиц модели «человек как мифологический, литературный и т.п. персонаж – человек» наибольшее количество. Этнонимы как образные единицы представляют следующие сферы: 1) характер («хитрый» – еврей, цыган, сто китайцев); 2) поведение («вежливый» – англичанин, француз); 3) внешность («узкоглазый» – китаец, монгол); 4) умственные способности («глупый» – чукча) [Землякова 2005: 105].

Вместе с тем использование этнических имен в качестве нарицательных характеристик человека – явление очень распространенное и требующее особого исследования.

Например, в жаргоне уголовного мира *башкиром* называют милиционера [Дубягина 2003:

33], *индусом* – отбывающего наказание в штрафной камере или ШИЗО [Дубягина 2003: 79].

По мнению исследователей, семантика любого имени лица может быть представлена в виде многослойной структуры, каждый из слоев которой состоит из набора компонентов, характеризующих тот или иной смысловой аспект имени лица. «Данная структура представляет собой матрицу, состоящую из компонентов, обозначающих признаки человека – объекта восприятия, которые осознаются познающим субъектом как онтологически присущие данному объекту» [Саржина 2005: 9].

Таким же образом может быть представлена, на наш взгляд, и семантика этнонимов, выступающих в нарицательном значении.

6. Проблема категоризации этнической семантики. Согласно классической теории категорий, восходящей к греческой античности, категории определяются на основе необходимых и достаточных признаков. «Часть наших знаний структурируется посредством «классических парадигм» по принципу вариант – инвариант, однако определенная часть нашего опыта организована иным, более сложным способом – лучевых структур с центральными (прототипичными) и периферийными членами категории, которые по-разному демонстрируют некоторые типы подобия с лучшим представителем своего класса» [Борискина, Кретов 2003: 11].

В 1953 г. в «Философских исследованиях» Л.Витгенштейн писал, что в своей повседневной жизни мы применяем неклассический подход к категоризации. Концептуальные категории и членство в них чаще всего определяются не необходимыми и достаточными признаками, а, скорее, некоторыми факторами, которые могут иметь разные степени важности, границы категории расплывчаты [Витгенштейн 1994: 113].

При исследовании любых языковых категорий неизбежно встают вопросы их структурной организации. Эти вопросы решаются лингвистами по-разному. Один из подходов можно назвать «ярусным»: описываемая категория, представляющая определенный формат знания, делится на ярусы, путем отнесения к каждому из них базовых слов-идентификаторов. Так, И.Н.Ивашкевич, рассматривая категорию «Природные пространства», делит ее на четыре яруса: «Первый ярус микросистемы занимают базовые слова-идентификаторы с самым широким пространственным значением: *space, area, place*. На втором ярусе находятся слова-идентификаторы с более конкретным значением: *land, water*, которые закладывают фундамент дальнейшего членения категории на определенные тематические

группы. На третьем ярусе выделяются субидентификаторы, каждый из которых может стать отдельным словом-идентификатором и начать дробление категории на субкатегории. Замыкает данную схему четвертый ярус – это конкретизаторы, которые детализируют категорию и, таким образом, значительно увеличивают и расширяют ее объем» [Ивашкевич 2009: 46].

При исследовании регионального этнонимона также необходимо выяснить, каким образом происходит категоризация этнической семантики, какие концепты образуют категорию этничности.

На наш взгляд, категоризацию этнической семантики можно представить в виде «семантической сети» [Сергеева 2004: 185], узлы которой репрезентируют оценочные значения разных уровней абстракции. Один из узлов сети – «свой / чужой» – является прототипом категории.

В качестве инварианта выступает системно-категориальный абстрактный смысл «представитель определенного этноса», который различным способом интерпретируется в концептах, образующих категорию. В свою очередь, этот абстрактный смысл может быть интерпретирован и на более высоком уровне абстракции. Это открывает возможность для его включения в более обширную категорию с более высоким уровнем абстракции инварианта, например в категорию посессивности, которая также представляет собой вид отношений принадлежности.

Категоризация этничности обусловлена наличием разных типов концептуальных различий, которые отражаются на интерпретирующем характере языкового значения.

К первому типу относятся различия, имеющие классификационный (таксономический) характер:

1) репрезентативная линия концептуальных различий отражает степень представленности в языке этнических именовании: *вогулы, татары, русские* и др.;

2) линия аспектизации этнического отражает основания различий. Соответственно, здесь выделяются концептуальные области «внешний вид», «язык», «материальная культура», «духовная культура» и т.д.

Ко второму типу относятся такие концептуальные различия, которые противопоставляют определенные классы названий. Основой здесь является объектно-субъектная линия, представленная, например, внутренними этнонимами и внешними этнонимами.

Таким образом, категорию этничности можно считать одной из категорий базового уровня, т.к. ее лексическими составляющими являются в ос-

новном имена, которые широко функционируют не только в научных и деловых текстах, но и в живой речи.

Этнонимы как средства репрезентации категории этничности являются ключевыми словами для национальной русской культуры, к которым относят обычно «слова не только с высокой частотностью употребления в повседневной речи, но и обладающие историческим «багажом», позволяющим рассматривать семантическую структуру данных слов с учетом их концептуального содержания» [Семененко 2001: 198].

Данная категория обладает не только лингвистической, но и когнитивной значимостью. Единицы ее частотны, структурно просты и достаточно информативны – они не только способствуют распознаванию объекта, но и его противопоставлению другим объектам.

7. Проблема системной организации этнонимической лексики. Названия народов, функционирующие в рамках определенной территории, безусловно, образуют некую систему взаимосвязанных единиц. Эту систему, на наш взгляд, логичнее всего представить в виде семантического поля. Идея построения семантического поля этнонимии не является новой. Так, О.М.Младенова в своих исследованиях обращается к термину «этнонимическое поле» в связи с описанием моделей национального сознания [Младенова 2008].

Она отмечает, что в пределах поля этнонимы связаны отношениями деривации со следующими классами слов:

- 1) существительными собирательного значения, обозначающими этническую группу, а часто также и территорию, населенную этой группой (Русь > русский);
- 2) отвлеченными существительными, обозначающими признаки и свойства (еврей > еврейство, русский > русскость, цыган > цыганщина);
- 3) прилагательными (американец > американский, калмык > калмыковатый);
- 4) наречиями способа действия (француз > по-французски);
- 5) глаголами (русский > обрусеть)» [Младенова 2008: 71].

Однако вопросы конструирования регионального поля этнонимии в современной науке остаются открытыми. Попытка выстроить такое поле на примере этнонимии Пермского края осуществлена нами в [Сироткина 2009].

8. Проблема моделирования объектов и основных понятий этнонимии. Как известно, одна из важнейших проблем методологии любой

науки – моделирование объектов и основных понятий.

Важным для этнонимии представляется моделирование понятия «Категория этничности». Рассмотрим, какие факторы необходимо учитывать в процессе моделирования, используя практику моделирования этнолингвистами системы «Этнос», состоящую из 5 основных этапов.

Этап 1 – определение хронологических рамок. «Во-первых, – отмечает А.С.Герд, – моделирование системы... должно быть задано хронологически» [Герд 2005: 50]. Например, модель категории этничности относительно языкового сознания жителя Прикамья XIX в. и XX в. будет разной.

Этап 2 – решение вопроса об источниках. Подбор источников для исследования категории этничности зависит прежде всего от избранного хронологического периода. Так, для периода XVI – XVIII вв. доступными являются памятники деловой письменности Прикамья, для современного периода – целый комплекс текстов различных жанров (научных, художественных, диалектных и т.д.).

Этап 3 – создание сводного максимально полного перечня признаков моделируемой категории (мы назовем их классификаторами). Из всего многообразия признаков этноса, выделяемых этнографами [там же], наиболее репрезентативными в плане отражения категории этничности являются, на наш взгляд, язык, особенности внешности, материальная и духовная культура.

Этап 4 – выработка терминологического аппарата. «Отдельно при каждом ключевом понятии необходимо собрать все термины-синонимы» [там же: 51].

Этап 5 – внутреннее моделирование подсистем, образующих категорию.

9. Проблема изучения этностереотипов. В рамках той или иной этнической культуры формируются представления о различных этносах. Эти представления отражаются в языковой картине мира через набор оценочных смыслов, которые, в свою очередь, находят отражение в национально-культурных стереотипах.

Стереотип есть коммуникативная единица данного этноса, «способная посредством актуальной презентации социально санкционированных потребностей оказывать побуждающее типизированное воздействие на сознание личности – социализируемого индивида, формируя в нем соответствующую мотивацию» [Рыжков 1985: 15].

Не только этнологи, но и лингвисты, занимающиеся сопоставительными исследованиями,

обращаются к проблеме национальных стереотипов. Так, материалом исследований белорусских ученых Е.А.Анисимовой и К.В.Вербовой выступили вербализованные ассоциации, полученные в ходе направленного ассоциативного эксперимента [Анисимова, Вербова 2008]. В эксперименте участвовало 162 студента ГрГУ (Гродно) и БГУ (Минск) – белорусы, русские и поляки. Всего получено 2410 релевантных реакций-прилагательных на слова-стимулы. Авторы эксперимента отмечают: «Создавая в целом положительный образ собственной национальной группы, студенты в отдельных случаях проявляют критичность к определенным качествам своей национальной группы. Среди негативных коммуникативных качеств своей нации студенты-белорусы отмечают: *невежливый, равнодушный, агрессивный*; поляки выделяют такие характеристики как *нудный, злой, суетливый, скрытный, скупой, жадный*. Русские студенты наиболее негативно оценивают отношение представителей своей национальности к труду, отмечая *лень* как самую распространенную черту» [Анисимова, Вербова 2008: 12].

Этнический компонент регионального языкового сознания исследуют омские ученые, в частности Л.О.Бутова, проводившая с этой целью в течение нескольких лет семантические эксперименты, ролевые игры, этнопсихолингвистические процедуры, социологические опросы. В качестве реципиентов выступили студенты 4 курса филологического факультета Омского государственного университета им. Ф.М.Достоевского, изучающие дисциплину «Этнолингвистика» [Бутова 2010: 19]. Ассоциативный и семантический эксперименты, отмечает исследователь, выявили значительные секторы оценки в ассоциативных полях (АП) определенных этносов. В АП «Немцы» – 87%, в АП «Цыгане» – 60,2%, АП «Евреи» – 80,8%, АП «Американцы» – 67,2%, АП «Казахи» – 54%, АП «Лица кавказской национальности» – 36,2%, АП «Русские» – 33%. Объем оценочных секторов, по мнению автора эксперимента, свидетельствует о нарастающей этнической напряженности в регионе [там же].

Исследованием этнических стереотипов русских и коми-пермяков занимаются пермские психологи. «Этническая психика», по наблюдениям Т.А.Поповой, «насыщена стереотипами о себе, о других этносах, а также представлениями данного этноса о том, какие представления имеют данные этносы о нем» [Попова 2006: 26].

При описании регионального этнонимикона также не обойтись без анализа проблем этнических стереотипов.

Таким образом, актуальных проблем в региональной этнонимии достаточно, и решение их требует от лингвистов многого: привлечения для анализа местного языкового материала, использования новых научных методов, тщательного описания истории развития и современного состояния региональных этнонимиконов, а также лексикографической обработки материала и создания словарей.

Список литературы

Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: словарь-справочник. М.: Academia, 2000. 424 с.

Анисимова Е.А., Вербова К.В. Содержание представлений студентов о своем и чужом этносе // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Челябинск, 2008. Т.2. С.11–15.

Белоусова О.М. К типологии этнонимических наименований в апеллятивной лексике // Вопр. ономастики. Свердловск, 1979. С.111–115.

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000. 530 с.

Борискина О.О., Кретов А.А. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж, 2003. 211 с.

Бутова Л.О. Этнический компонент регионального языкового сознания: лингвистические модели // Концептуальные исследования в современной лингвистике: сб. ст. / отв. ред. М.В. Пименова. СПб.; Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2010. С.18–26.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. С.75–320.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб., 2005. 457 с.

Дубягина О.П. Современный русский жаргон уголовного мира: словарь-справочник. М.: Юриспруденция, 2003. 352 с.

Землякова Н.В. Устойчивые образные номинации человека: структурно-семантический и лексикографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 208 с.

Ивашкевич И.Н. К вопросу о границах и строении категории «Природные пространства» // Вопр. когнитивной лингвистики. 2009. №4. С.43–52.

Картавенко В.С. Этноним «татары» в топонимии Смоленского края // Ономастика Поволжья. IX конф. Волгоград: Перемена, 2002. С.101–102.

Кривошекова-Гантман А.С. Фамилии как источник истории языка и его носителя // Актуаль-

ные пробл. лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972. С.248–253.

Кузеев Р.Г. Этнографические и этнические группы (к проблеме гетерогенности этноса) // Этнос и его подразделения. М.: Наука, 1992. Ч.1. С.18–24.

Майданова Л.М. Ареалы финно-угорской этнонимии Урала // Вопр. топониматики. Свердловск, 1962. Вып. 1. С.20–34.

Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург, 2001. 346 с.

Младенова О.М. Этнонимия и национальное самосознание // Вопр. ономастики. 2008. №5. С.65–89.

Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы. М., 1970. С.3–23.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. 185 с.

Полякова Е.Н. Этнонимы Прикамья в русском языке XVII века // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976. С.9–12.

Попов А.И. Названия народов СССР. Введение в этнонимуку. Л., 1973. 190 с.

Попова Т.А. Особенности этнических стереотипов русских и коми-пермяков // Язык, культура, образование в современном мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2006. Ч.II. С.26–27.

Русский язык: энциклопедия. М., 1979. 530 с.

Рыжков В.А. Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации. Куйбышев, 1985. С.15–21.

Саржина О.В. Русские инвективные имена лица: комплексный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 24 с.

Семенов Н.Н. Переходные явления в семантической структуре концепта НАДЕЖДА в контексте русской пословицы // Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков. Великий Новгород, 2001. С.198–199.

Сергеева Л.А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2004. 316 с.

Сироткина Т.А. Региональное поле этнонимии // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2009. № 3. С.101–107.

Чагин Г.Н. Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь, 2003. 100 с.

Черных А.В. Основные этапы этнической истории Прикамья в XVI – XX вв. // Этнический мир Прикамья. Пермь, 2003. С.7–31.

ACUTE PROBLEMS OF CONTEMPORARY ETHNONYMY

Tatyana A. Sirotkina

**Reader of Philological Education
and Journalism Department
Surgut State Pedagogical University**

The article considers the following problems of contemporary ethnonymy: analysis of the linguistic status of the ethnonym and boundaries of ethnonymy and individual ethnonyms; development of ethnonimicon and functioning of ethnic names in different spheres of speech communication; interaction between ethnonymy and other lexical systems; study of categorization of ethnic semantics; constructing a model of systemic organisation of ethnonymic lexicon; the study of ethnic stereotypes. It is deduced that these problems can be solved by the analysis of local linguistic data thorough investigation of historical development and contemporary state of regional ethnonimicons and dictionary creation.

Key words: ethnonym; ethnonymy; ethnonimicon; category; categorization; ethnic stereotype; lexicography.